

ЗАГОВОР КОРОЛЕВЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1 Студенты

Под вечер в среду, 4 февраля 1579 года, большая толпа студентов теснилась перед готической дверью старинного Наваррского коллежа. Толпа была так велика, что не только заполняла всю площадь перед этим знаменитым рассадником знаний, но и простиралась далеко за улицу Святого Иакова, на которой он находился. Подобной беспорядочной сходки не было со времени мятежа 1557 года, когда предшественники этих буйных студентов пошли гульбой с оружием в руках в Пре-о-Клер¹, подожгли три дома по соседству и убили сержанта гвардии, безуспешно старавшегося их обуздать. Последние выборы ректора, мессира Адриана д'Амбуаза, ученого патера, как гласит его эпитафия, по случаю которых студенты собрались в монастыре Матюринов и оттуда шумной процессией отправились в церковь Святого Людовика на острове того же имени, были пустяками по сравнению с нынешними

---

¹ *Пре-о-Клер* — место в старом Париже на левом берегу Сены, у стен знаменитого монастыря Сен-Жермен-де-Пре. Любимое место прогулок парижан и дуэлянтов. Ныне от монастыря остался только собор. — *Здесь и далее примеч. пер.*

беспорядками. Каждый богословский улей прислал своих трутней: Сорбонна, Монтегю, Ключи, д'Аркур, коллеж Четырех Наций и множество меньших заведений в числе срока двух доставили свои рои, так изрядно жужжавшие.

Накануне открылась Сен-Жерменская ярмарка, но она была неправдоподобно пуста, хотя ее веселье должно было продолжаться до Вербного воскресенья, поскольку она всегда служила местом сбора студентов, предававшихся во время карнавала всевозможным излишествам. Не было посетителей и в знаменитых кабаках: «Сосновой шишке», «Соколе», «Замке», «Магдалине и туфле». Игральные кости были забыты, и карты лежали без употребления в карманах безудержных школьных гуляк.

Но толпа состояла не только из буянов, игроков, хвастунов и пьяниц, хотя надо признаться, что они составляли большинство. Это было полное смешение всех сект и сословий. Иногда скромная наружность и бледное лицо трудолюбивого ученика соседствовали со свирепой физиономией и небрежной осанкой ближайшего соседа, очень походившего своим видом на итальянского джентльмена удачи. Важный богослов и будущий священнослужитель стояли рядом с беспутным, насмешливым товарищем, между тем как мнимый законовед, известный нарушитель законов, обнаруживался в кружке людей, все занятие которых заключалось как раз в том, чтобы преследовать обман и насилие.

Одежда людей, составлявших это сборище, была столь же разнообразна, как были различны их характеры. Не будучи подчинен никаким особенным постановлениям относительно своего внешнего вида или, вернее сказать, открыто нарушая те, которые предписывались, каждый студент, к какому бы он ни принадлежал коллежу, одевался сообразно своему вкусу и своим средствам, и в общем эта толпа не выделялась ни щегольством, ни опрятностью.

Шляпы, круглые и четырехугольные, капюшоны и плащи — черные, серые и других темных цветов — были пре-

обладающей одеждой студентов университета, однако и там и сям можно было увидеть более веселых представителей этого сословия. Их высокие шляпы с широкими полями и развевающимися перьями, оттопыренные рукава и чудовищные жабо с накрахмаленными складками таких размеров, что их довольно метко прозвали блюдами святого Иоанна Крестителя, — за сходство голов тех, которые их носили, с головой этого святого на блюде дочери Иродиады¹, — напоминали в гротескном виде моду изящного и блистательного двора Генриха III².

Эти наглецы довели свою страсть к подражанию до такого своевольства, что некоторые из них, только что возвратившиеся с Сен-Жерменской ярмарки, где они наугощались глинтвейном у наполнявших площадь маркитантов, носили вокруг шеи огромные бумажные воротники, выкроенные по образцу настоящего кисейного жабо, а в руках держали длинные пустотелые палки, с помощью которых перестреливались горохом и другими подходящими средствами, имитируя тем самым сарбакан, введенный в употребление монархом и его любимцами.

В таком фантастическом наряде эти забавные проказники, предпочитавшие смех благоразумию, имели дерзость встретить в тот же день, только несколькими часами ранее, на названной нами ярмарке королевский поезд криками: «По шее узнается теленок!» — такими громкими, что они достигли слуха короля, — шутка, за которую хулиганы дорого заплатили впоследствии. Несмотря на жалкую наружность отдельных личностей, общий вид учащейся молодежи был выразителен и живописен. Густые усы и острые бородки, украшавшие губы

¹ *Иродиада* — библейский персонаж, внучка Ирода Великого, виновница смерти Иоанна Крестителя, казненного по ее просьбе.

² *Генрих III* (1551—1589) — король Франции с 1574 г., последний из династии Валуа. Погиб во время Религиозных войн будучи заколот монахом-фанатиком Жаком Клеманом.

и подбородки большинства, придавали лицам мужественное и решительное выражение, вполне соответствовавшее их смелым, свободным манерам.

Почти все имели при себе крепкие виноградные палки — короткое, с железным наконечником орудие, которым они превосходно владели и которое, благодаря их ловкости, наводило ужас на противников. Многие из студентов носили на поясе короткие шпаги, прославленные их поединками и ссорами, или же прятали в своих куртках кинжалы и ножи.

Студенты Парижа всегда являлись буйными и непокорными; во времена этого рассказа и даже гораздо ранее это была шайка ленивых, неутомонных молодых людей, собравшихся со всех концов Европы и из самых отдаленных провинций Франции. Между ними не существовало никакой связи, кроме товарищества, поддерживаемого их общей распущенностью. Отсюда и бесчисленные драки, почти всегда имевшие пагубные последствия, которые никак не могло искоренить руководство университета.

Студенты жили на свои скудные средства, увеличивая их по возможности милостыней и воровством, так как большинство молодых людей были изначально и заведомо нищими. Их кварталы служили убежищем, где они могли удобно скрываться, поэтому они не признавали иного закона, кроме постановлений университета, и, не стесняясь, пользовались любыми возможностями пожить за счет своих соседей. Отсюда их частые схватки с монахами Сен-Жермен-де-Пре, монастырские владения которых граничили с их землей. Лужайки, принадлежавшие монахам, служили постоянным полем схваток; по словам Делюра, они были театром непрерывной суматохи, волокитства, поединков, битв, пьянства и разврата. Отсюда кровавые ссоры студентов с добропорядочными гражданами Парижа, которые ненавидели школьников и подчас с лихвой расплачивались с ними за их нападения.

В 1407 году двое студентов, уличенные в убийстве, были приговорены к виселице, и приговор привели в исполнение. Но так велико было смятение, произведенное в университете нарушением дарованных ему льгот, что префект Парижа Вильгельм Тьонвиль был вынужден издать указ о снятии тел с виселицы и позволении похоронить их с почетом и надлежащей церемонией. Это признание привилегий университета только ухудшило положение дел, и в продолжение многих лет беспорядки все возрастали.

В наш план не входит рассказ о всех буйствах университета и о мерах, принятых к их искоренению. Напрасно преследовала их светская власть, напрасно Ватикан раздражался грозными указами — ничто не помогало. Можно было скосить, но не искоренить дурную траву. Ссоры студентов передавались от поколения к поколению, и предмет их старинных препирательств с аббатом Сен-Жермен-де-Пре после тридцатилетней непрерывной борьбы был представлен на рассмотрение Папы, который совершенно справедливо отказался произнести решение в пользу той или другой стороны.

Таковы были студенты Парижа XVI века, таковы были свойства шумного сборища, осаждавшего двери Наваррского коллежа. Причиной, по которой собралась эта беспорядочная толпа, было, по-видимому, желание студентов присутствовать при публичных прениях или ученом диспуте, происходившем в большом зале коллежа, перед которым они теснились, и разочарование при виде закрытых дверей и отказе пропуска внутрь вызвало их теперешнее мятежное настроение.

Напрасно алебардчики, поставленные у дверей и силившиеся удержать своими пиками толпу, старавшуюся пробиться вперед, говорили, что зал и двор переполнены, что даже для доктора права не нашлось бы места, что они получили строгое и неукоснительное приказание не впускать никого званием ниже бакалавра или лиценциата и что *мартинисты* (студенты, не жившие в стенах

университета и не находившиеся на пансионе в коллеже) и такие новички, как они, не имеют никакого права быть впускными.

Студенты отвечали, что это не простые прения, не обыкновенный диспут и что все имеют одинаковое право присутствовать. Что дело идет не о заурядном ученом, слава которого не простирается за пределы его деятельности и которого пожелали бы слышать очень немногие и еще меньшее число — поддерживать с ним диспут, а об иностранце высокого звания, пользующемся большим почетом и столь же замечательным своими познаниями, как и блестящими внешними качествами.

Напрасно старались опровергнуть их доводы тем, что на собрании присутствуют не только важнейшие представители университета, старейшие доктора богословия, медицины и права, профессора словесных наук, риторики и философии и множество других сановников, а также тем, что диспут удостоился внимания господина Жака де Ту, первого президента Парижского парламента; государственного секретаря и губернатора Парижа месье Рене де Вилькье; посланников Елизаветы Английской¹ и Филиппа II Испанского² и многих господ из их свиты; Пьера де Бурдейля, аббата Брантома³; господина Марка Мирона, первого медика Его Величества Генриха III; Козимо Руд-

---

¹ *Елизавета I* (1533—1603) — королева Англии с 1558 г. Ввела Реформаторскую церковь, успешно способствовала процветанию страны, превратившейся в морскую державу.

² *Филипп II* (1524—1598) — испанский король с 1558 г. Будучи ревностным католиком, вел непрерывные войны за торжество католической религии. Безуспешные сражения и кровавая внутренняя политика подорвали экономику Испании. Вошел в историю как мрачная, жесткая личность.

³ *Брантом Пьер де Бурдейль* (1540—1614) — французский историк и писатель, хронист придворной жизни Екатерины Медичи, участник многочисленных войн и заговоров.

жери, главного астролога Екатерины Медичи, королевы-матери; знаменитых поэтов и писателей Пьера де Ронсара и Филиппа Депорта; известного адвоката при парламенте Этьенна Паскье, а также — и это составляло самое важное возражение — двух главных фаворитов Его Величества, виконта Жуайеза¹ и барона д'Эпернона².

Напрасно прибавляли, что для поддержания строгой благопристойности ректор распорядился запереть двери. Студенты были сильны в спорах, и их аргументация очень скоро вразумила противников. Они вполне полагались на свою ловкость для одержания верха в подобных случаях.

— Долой ведущих диспут! Долой алебардщиков! Долой двери! — закричали разом сотни яростных голосов. — Долой самого ректора! Долой мессира Адриана д'Амбуаза! Не допускать студентов университета в их собственные залы?! Заискивать перед фаворитами двора?! Держать диспут при закрытых дверях?! Долой ректора! Мы издадим указ сейчас же провести новые выборы!

После этого в толпе пронесся сильный ропот, за которым последовали новый взрыв проклятий в адрес ректора и демонстрация дубинок в сопровождении града гороха, выпущенного из сарбаканов. Алебардщики побледили и охотно бы уступили, но дверь была заперта с внутренней стороны, жезлоносцы и сторожа, к ней приставленные, хотя и были перепуганы наружным шумом, однако категорически отказывались отворять.

Снова раздались угрозы студентов, снова обратились они к насилию, и горох застучал по лицам и рукам алебардщиков, едва сдерживающихся от гнева и боли.

---

¹ *Жуайез Анн де Батарне* (1561—1587) — французский дворянин, любимец Генриха III. Тот сделал его герцогом, пэром, адмиралом, губернатором Нормандии и женил на сестре королевы. Погиб в Битве при Кутра.

² *Д'Эпернон Жан-Луи де Ногаре* (1554—1642) — французский вельможа, любимец Генриха III, участник Религиозных войн, во время которых прославился своей храбростью.

— Что ты нам рассказываешь о фаворитах короля! — кричал из первого ряда студент, украшенный одним из тех бумажных воротников, о которых мы говорили. — Они могут приказывать в луврских покоях, но не в стенах университета. Ей-богу! Мы нисколько ими не дорожим! Мы смеемся над безобидным лаем этих откормленных дворцовых шавок! Что могут для нас значить эти попрыгунчики? Клянусь четырьмя евангелистами, мы не потеряем здесь ни одного из них. Советуем д'Эпернону, этому гасконскому недорослю, поразмыслить над участью Можирона, а нашему весельчаку Жуайезу — припомнить смерть этой собаки Сен-Мегрена!¹ Уступите место более достойным! Уступите место учащимся! Долой жабо и сарбаканы!

— Что значит для нас президент парламента или губернатор города?! — вопил другой. — Мы смеемся над их властью, мы признаем ее только в их судебных палатах. Ступив на нашу землю, они оставили всю свою власть по ту сторону ворот Святого Иакова. Мы не принадлежим ни к какой партии! Мы в политике придерживаемся строгой середины. Мы не более уважаем приверженцев Гиза, чем гугенотов; лигисты нам не дороже кальвинистов. Наш единственный господин — Григорий XIII², Папа Римский. Долой Гизов³ и беарнцев!⁴

---

¹ *Можирон, Сен-Мегрен* — французские дворяне, фавориты короля Генриха III, погибшие в результате придворных интриг.

² *Григорий XIII* (1502—1585) — Римский Папа с 1572 г. Активно поддерживал и вдохновлял борьбу католиков против протестантов; во Франции помогал Карлу IX и Гизам в их гонениях на гугенотов.

³ *Гизы* — герцоги Лотарингские, ярые сторонники католицизма, активные участники и организаторы Религиозных войн во Франции, некоторое время претендовавшие на французский престол.

⁴ *Беарн* — южная пограничная область Франции; главный город По. Здесь *беарнцами* названы сторонники Генриха IV, родившегося в Беарне и получившего прозвище Беарнец.

— Долой Генриха Наваррского¹, если вы этого желаете, — воскликнул студент д'Аркура, — или Генриха Валуа, если это вам более нравится, но — ради всех святых — только не Генриха Лотарингского, он надежная и крепкая опора истинной веры. Нет-нет! Да здравствуют Гизы! Да здравствует Священный союз!

— Долой Елизавету Английскую! — кричал студент из Ключни. — Что делает здесь ее представитель? Уж не ищет ли он ей мужа среди наших ученых? Плохая будет сделка, если она отдаст руку герцогу Анжуйскому².

— Если вы дорожите своим воротником из буйволовой кожи, то советую вам не отзываться непочтительно в моем присутствии о Елизавете Английской, — подымая с угрозой свою окованную палку, возразил англичанин из коллежа Четырех Наций, такой же заносчивый, как и его огромный бульдог, следовавший за ним по пятам.

— Долой Филиппа Испанского и его посланника! — кричал студент коллежа Бернардинцев.

— *Por los de mi dama!*³ — воскликнул принадлежавший к Нарбоннскому коллежу испанец с огромными закрученными усами на бронзовом дерзком лице, в низкой шляпе, гордо нахлобученной на лоб. — Так поступать нельзя! Представитель Его Величества дона Филиппа должен быть уважаем даже в среде парижских студентов. Кто из вас не согласен со мной? А?

---

¹ *Генрих IV* (1553—1610) — король Наваррский с 1572 г., король Франции с 1593 г. Будучи гугенотом, принимал участие в Религиозных войнах на стороне протестантов. Дважды из политических соображений менял веру на католическую. Именно ему принадлежит фраза: «Париж стоит мессы». В 1598 г. издал Нантский эдикт, уравнивающий права католиков и протестантов. Основатель династии Бурбонов.

² *Герцог Анжуйский, Эржюль-Франсуа де Валуа* (1554—1584) — французский принц, брат королей Франциска II, Карла IX и Генриха III.

³ Клянись честью моей дамы! (*исп.*).

— В таком случае, что он делает тут со своей свитой? — возразил бернардинец. — Черт возьми! Этот диспут один из тех, которые нисколько не касаются интересов вашего короля, а мне кажется, что Филипп и его придворный интересуются только тем, из чего могут извлечь пользу. Я уверен, что присутствие вашего посланника в нашем университете имеет какой-то тайный повод.

— Вероятно, — отвечал испанец. — Мы поговорим об этом после.

— А что делает поставщик Сибариса¹ в пыльных залах науки? — завопил студент из коллежа Лемуан. — Чего ищет ревнивый убийца жены и ее еще не рожденных детей так близко от независимых речей и, быть может, верно направленных шпаг? Я думаю, для него было бы гораздо более разумнее оставаться в своем гареме, чем подвергать свою надушенную особу разным случайностям среди людей, чье прикосновение может оказаться поглубже того, к которому он привык.

— Хорошо сказано! — воскликнул школяр из Ключни. — Долой Рене Вилькье, долой этого презренного роносоца и убийцу, хоть он и губернатор Парижа!

— Какое право имеет господин аббат Брантом занимать место среди нас? — закричал студент д'Аркура. — Он, несомненно, славится умом, ученостью и любезностью, но какое нам до этого дело? Пусть придут другие, более достойные.

— Откуда тут Козимо Руджери? — возмущался бернардинец. — Что надеется унюхать этот старый торговец темиными знаниями? Мы не занимаемся алхимией и астро-

---

¹ *Сибарис* — греческий город в Лукании, основанный ахейцами и трезенцами около 720 г. до н. э., могущественный и богатый торговый центр. В период расцвета к его области примыкали 25 городов. Богатство приучило жителей Сибариса к столь изнеженному образу жизни, что слово *сибарит* сделалось нарицательным обозначением человека, живущего в роскоши.